



ДАНИСАР
СУГРАЛИНОВ

Данияр Саматович Сугралинов

Буквы (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5811555

Буквы:

Аннотация

Иногда прописные истины до того прописные, что их перестают замечать. Чтобы оставаться Человеком с большой буквы, нужно помнить, что такое хорошо, что такое плохо. Как таблицу умножения. В любое время суток. В «Буквах» – а это цикл рассказов – акцент сделан и на людей, которые помнят, и на людей, которые забыли. Простые истории. И порой очень горькие выводы. «Буквы» – это алфавит совести.

Содержание

От автора	4
А хули?	6
Баха и весна	9
Блядство	12
Вот счастье бы...	15
Времена жизни	19
Всё будет...	21
Всё относительно	32
Глобальные перемены	43
Глупость человеческая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Данияр Сугралинов

Буквы

От автора

Тридцать три сетевых рассказа. Каждый – маленький срез жизни, одна картинка из миллиарда историй постсоветского общества. Как и в русский алфавит, в книгу прокрались несколько «недобукв»: твёрдый и мягкий знаки, «и краткое». Но не только: весёлыми и полуреальными, а то и вовсе фантастическими, подчас хулиганскими, – такими оказались некоторые страницы моего сборника.

Тридцать три рассказа за десять лет. Все они выкладывались в Интернете, на различных литературных площадках. Неоднократные перепосты (копирование текстов читателями в блоги, форумы, размещение в сетевых библиотеках и т. д.) как автора меня удивили, потому что я никогда не писал ради того, чтобы стать писателем.

Кстати, рассказ «А хули?», по свидетельствам очевидцев, вслух зачитывал редактор одного крупного питерского издательства, громко при этом смеясь и приговаривая: «Вот она, б..., русская литература!».

Для меня всегда было важно донести до читателя идею, которая и мне самому не давала покоя. И не просто дать пи-

щу для размышлений, а ткнуть носом в прописную истину, которую все знают, но никто всерьёз не воспринимает. Удалось ли мне это, решать тебе, читатель!

А хули?

Счастливый ли я человек? Не знаю. Но мне постоянно и просто катастрофически везёт. Во всём. Хотя так было не всегда.

Началось это не так давно, лет семь назад. Я тогда учился в десятом классе, отметками не блистал, внешностью тоже. Короче, был середнячком. Серым. Совсем незаметным. Не выдающимся. Меня даже друзья так звали: Серый.

Люди смотрели на меня и через секунду забывали. Точно так, как забывают о коврике у дверей, едва на него взглянув.

По мнению учителей, максимум, что мне светило, – стать дворником. Их очень удивляло, если я тянул руку, готовый ответить. К счастью, такое случалось редко. Раз в полугодие, а то и в год.

Родители тоже разочаровались во мне, и всё своё внимание переключили на младшего брата. Парень был просто идеален. Староста, отличник, спортсмен, поэт и любимец девчонок не только своего, даже старших классов!

Надо ли говорить, что среди девчонок популярностью я не пользовался. Абсолютно. На мои редкие попытки пригласить хоть кого-нибудь в кино юные «прелестницы» отвечали по-разному. Нормальные утверждали, что сейчас не могут, но, может быть, потом... (Врали!) А злюки без прелюдий посылали в известном направлении. В любом случае итог был

одинаковым.

Дворовые ребята тоже меня недолюбливали. «Какой-то он никакой», – говорили они. Жизнь представлялась монотонным серым полотном.

Но потом всё изменилось.

Тогда, в 1996 году, и случилось чудо из чудес: на меня обратила внимание девушка! Красивая. Умная. Смешливая и обаятельная. Я был неопытен и зажат. Но мне повезло: болтала всё время только она. Сама предлагала, куда ехать, где лучше выпить, где уединиться.

И в постели она всё сделала сама. Одноклассники почернели от зависти. Ещё бы! Даже самым продвинутым приходилось перепихиваться с прыщавыми щеголихами или воючими шлюхами. А зажатым ботаникам и того хуже: дрочить, фантазируя о моей женщине.

Я стал смелее. Шпана предпочла со мной не связываться.

С учёбой тоже наладилось. Почему-то хорошие оценки стали даваться легко и непринуждённо, учителя хвалили меня.

Потом вообще попёрло: золотая медаль в школе, поступление в престижный вуз, поездка в Штаты по обмену. После универа, который я закончил за три года, приняли на работу в крупную компанию. Быстро там продвинулся до зама. От женщин не было отбоя, даже не напрягался.

А хули? Ведь тогда, в 1996 году, мой отец стал губернатором.

2003

Баха и весна

Баха лежит на крыше. Нога на ногу. Левую руку – под голову, в правой – карандаш. Баха грызёт карандаш и мечтательно смотрит на синее-синее небо. По небу плывут облачка. Чтобы проследить за их движением, надо смотреть на небо. Крыша уже за утро нагрета: яростно весеннее солнце. Несмотря на прохладный ветер, Бахе тепло. Баха улыбается.

Пришла весна. Текут ручейки растаявшего снега. Ощущение, что пахнет свежестью. Тут Баха понимает: зимой не пахнет ничем. Весной, даже если ещё холодно, на улицах перво-наперво появляются запахи. И это здорово!

Баха вспоминает, как они с пацанами всегда мечтали, чтобы поскорее высохло футбольное поле. И выскакивали потом туда с мячом, радостно гомоня, разбивались на две команды. Выбирали двух капитанов, а капитаны – себе игроков. Играли дотемна, даже позже, пока обеспокоенные родители не начинали кричать в окна, зовя сыновей. Баха улыбается. Он вспоминает те астрономические счета, с которыми заканчивались матчи: 108:102 например, хотя играть хотели до ста.

Тут Бахе приходит в голову мысль. Он садится и на клочке бумаги пишет: «Весна пришла! Как много в этом звуке!».

Где-то это уже было... И звук тут совсем не один. Зачеркивая написанное, выводит почти то же самое: «Весна при-

шла! Как много в этих словах!».

«Ерунда какая-то», – думает Баха и снова всё зачеркивает. Ложится на крышу, продолжая грызть карандаш.

Весной девчонки оголяют коленки. Поздней весной начинается летняя рыбалка, открываются веранды в кафе. Весной пахнет новой жизнью, и всё начинается сначала. Весной у каждого появляется новый шанс.

«А-а-а! Супер!», – Баха, не в силах сдержать восторг, вскакивает.

Пританцовывая, начинает петь:

– Весна пришла! Как много в этих словах! Футбол, рыбалка, девчонки, сирень! У детей скоро каникулы! А! Весна! Прекрасна! Жизнь! Прекрасна! Йоу!

Вдруг Баха останавливается, достаёт сигарету и ложится. Облака никуда не делись, всё так же плывут. И небо – синее-синее – никуда не делось. По-весеннему яркое – глазам больно. И весна...

Баха глубоко затягивается и улыбается небу. Потом чуть поворачивает голову, жмурит глаза, обласканные теплом и светом, улыбается солнцу.

– Бахыт Талгатович! Мы вас обыскались!

Баха возвращается на землю и слезящимися глазами смотрит на Кристину, свою секретаршу.

– Кристин, а ты в курсе? Весна пришла!

– Да, Бахыт Талгатович, – улыбается Кристина. – В курсе. А вы в курсе, что вас в приёмной уже человек двадцать

дожидаются?

– Теперь в курсе, – вздыхает Бахыт Талгатович.

Он с трудом встаёт, берёт с крыши пиджак, на котором лежал, и тяжёлой походкой направляется к лестнице.

Кристина смотрит ему вслед и качает головой: «Седьмой десяток старику, а всё туда же!».

2007

Блядство

Змеи. Повсюду гремучие змеи. Их шипение давит, заставляет вибрировать мозг. Змеи.

– Вы совершенно правы, Александр Дмитриевич! Рассматриваемая вами концепция нового формата радиостанции... – продолжает вещать раскатистый голос Анжелы Викторовны.

– В свете последних исследований аудитории... – не унимается арт-директор Александр Дмитриевич.

– Недостаток духовности... Классика...

– ...сказалась активизация конкурентов...

– Мало о какой радиостанции можно сказать, что она имеет чётко выраженный формат... – поддакивает директор по рекламе Шумов.

Заткнитесь. У меня похмелье. И только попробуйте у меня что-либо спросить.

– А что думает Вадик?

Все они пи...сы. И программист Вадик – тоже.

– Думаю, это оживит наш эфир... – что-то бурчу я.

Вадик тоже так думает, оказывается. А-а-а, как раскалывается голова!..

Интересно, что сейчас лучше выпить: 100 грамм ледяной водки, банку холодного пива или 50 грамм коньячка? Я вчера много выпил, даже по моим меркам много. И ночь выда-

лась та ещё. И какой мудак догадался устроить собрание в субботу в девять утра?! Собрали всех, включая начальника охраны и программиста. Офигеть.

– Большинство слушателей нашей радиостанции – это молодые люди от двадцати до сорока лет, – жизнерадостно говорит Лилька из маркетингового.

Ну, врёт же! Откуда вообще эти данные?! Исследования? Свежо предание... Но нет, все одобрительно кивают. «От двадцати до сорока», какая сверхточность! Краем глаза вижу, как сник начальник охраны, бывший мент. В музыке и радио он разбирается, как я в ядерной физике. Представляю себе, что вместо кофе в чашке пиво; мой взор затуманивается. Да, это пиво, можно пить. Беру кружку в руки, отпиваю и мысленно матерюсь. Горячее пиво со вкусом кофе.

– Таким образом, рост доли аудитории составит... – заканчивает Лилька.

– А что вы думаете на этот счёт, Павел Сергеевич? – крайне заинтересованно спрашивает Анжела Викторовна.

Ну вот, приехали. Дошла очередь и до начальника охраны. Он багровеет лицом и выдавлиывает одно предложение:

– Целиком и полностью поддерживаю.

Анжела удовлетворённо хмыкает и переводит взгляд на меня. Я долго не могу сосредоточиться на её физиономии. Кажется, она перебарщивает с макияжем. С таким слоем штукатурки на лице быть замом?.. Определённо, в этой конторе надо что-то менять...

...На секунду задержав на мне взгляд, Анжела утыкается в ежедневник. Я шмыгаю носом и подвожу итоги:

– Короче, всё понятно. Работать никто не хочет. Наша радиостанция на фиг никому не нужна, слушают ее только дебилы, случайно на неё настроившиеся. Работают здесь одни мудаки, создающие иллюзию плодотворной деятельности. Персонал абсолютно нетрудоспособен. Вы все уволены, включая пи...са Вадика.

Тишина. Вадик краснеет. Анжела Викторовна, выпучив глаза, пытается понять, в чём подвох. Шокированный Александр Дмитриевич артистично «роняет» нижнюю челюсть.

Красота!..

* * *

– А что скажет Денис?

Бегло осматриваю комнату, краснею и начинаю что-то бубнить об оживлении эфира, прекрасной новой концепции радиостанции, восторженных слушателях, духовности...

Программист Вадик хихикает в кулачок.

Блядство.

2005

Вот счастье бы...

К старым порванным кроссовкам липнет грязь. Обволакивает, просачивается сквозь дыры. В кроссовках греется, сука. А хрена ли, другой обуви нет. Нужна работа. Встретил только что одноклассника.

– Как дела? – спрашивает.

– Нормально, – отвечаю, – институт закончил, работу ищу.

Осматривает меня сверху донизу, хмыкает:

– Ну, удачи в поисках.

Запрыгивает в свой «Ауди» и уезжает. Автомобиль не новый, но у меня и такого-то нет. Мне чего-нибудь попроще: кроссовки поменять на ботинки, например. Но и тут нужны деньги. Работу бы, хоть какую, но главное – по специальности. Придется, матери помочь. Вот счастье бы настало.

* * *

– Да вы чего, охренели, что ли? Я, б..., за вас это должен решать? Что? Да меня не волнует! Решайте!

Отключаюсь. Вот суки! Я, когда простым менеджером был, сам подобные вещи решал. Развели детский сад, чуть что – заму генерального звонить. П....ц.

Сажусь в свой «Мурано», звоню матери:

– Ну, что, мам, поехали твою новую квартиру смотреть?

Ага, сейчас подъеду, спускайся.

Завожу машину, а сам думаю: «Как же я устал!». Как-то всё опротивело, до чёртиков. Надоело. Пустота какая-то. Работа, пьянки... Одиночество. Влюбиться бы. Семью создать. Уют, тепло. Вот счастье бы настало.

* * *

– Сегодня сибиряков надо встретить, накормить, устроить, в баню сводить. Программа стандартная, Миш.

– Саныч, я... Чёрт, не могу я сегодня. Пусть Кияшко встретит, растёт парень, думаю, сам справится.

– Кияшко? Не завалит? Ну, пусть Кияшко. А ты чего довольный такой? Влюбился, что ли?

Чувствую, как по лицу расплывается тупая улыбка:

– Ага, влюбился.

Саныч хмыкает:

– Хорошо, Миш, приятного вечера.

Срываюсь. Успеть забрать кольцо и цветы... Цветы не забыть! Хоть бы согласилась. Хоть бы. Вот счастье бы настало.

* * *

Лежу, смотрю телевизор. Она запрыгивает на меня, смотрит так загадочно. «Что такое?», – думаю.

– Миш! – голос срывается и становится совсем тихим. – Я беременна.

– Что? А-а-а!

– А-а-а! Дурак! – орёт она вместе со мной, когда я, обняв, заваливаю её на спину. Целую.

Я буду отцом! Родился бы сын. Вот счастье бы настало.

* * *

В кроватке заходится криком сын. А она болтает по телефону. Сука!

– Успокой сына, – говорю.

Негодующе сверкает глазами. «Я перезвоню», – в трубку. Недовольна. Ленивая тварь. Бросить бы. Но сын. Как я раньше не замечал? Истеричная, лживая, ленивая сука. Сутками сидит в чатах каких-то, на сайтах знакомств. Паролей везде наставила. Штирлиц прямо. А тупая какая: фанатка Димы Билана! Уйти бы. Вот счастье бы настало.

Кияшко всё-таки подсел. Да все на откатах сидят в этой грёбаной компании, я один, что ли?!

Саныч еще, безгрешный наш:

– Миша, не будешь ты больше работать ни в этой, ни в любой другой подобной компании! Понял, мразь? Это я тебе обещаю.

Неделю без работы, а жена уже подаёт на развод. Квартиру банк забирает, в кредит покупал. И что дальше делать?

Счастлив ли я? Конечно. Я понимаю, что быть счастливым – нетрудно.

А вот сохранить то, что есть, – немного сложнее.

2008

Времена жизни

А вот ещё бывает: бежишь по улице, мокрый снег липнет на ресницах и лезет в глаза. Смаргиваешь, снег тает, капли текут по скулам и щекам. А на роже улыбка радостная. И понимание, что вот оно – счастье. Хотя нет, вру, пока без понимания, только подозрение лёгкое на счастье. А то, что счастлив ты сейчас, – это потом понимаешь, когда уже лето на дворе. Рядом она, и хорошо с ней, и виснет она на тебе, и как-то всё легко воспринимается. Как и должно быть, наверное.

Весной вообще всё было зашибись. Но понимаешь это сейчас только, да поздно уже. Всё напрягает. Нелепо суе-тишься.

То по женской части у неё что-то, а ты разговоры веди с врачами, да только успевай лекарства покупать. А трахаться хочется. Но нельзя.

То родичам её помочь: дача, картошку посадить, баньку достроить, тестя будущего на рыбалку свозить. А друзья де-вок клеят в это время. На пиво разведут – и те на всё согласны. А ты носишься. И не по-весеннему злое солнце бьёт по глазам. И ещё так многое надо сделать.

А летом всё как-то совсем худо. Жара, пот по телу, думы всякие безрадостные, ещё и она недоступна. Вне зоны, короче. И зачем ты её вчера послал туда? Вернуть будет уже

сложно. Алкоголь не в кайф, друзья не помогают. Сидишь, убиваешь время.

СМС эти еще грёбанные: забиваешь одну за другой, клавиатурного Шумахера из себя строишь. Сообщение отправлено. Нет ответа. И вот уже вместо «Прости», «Ты где, любимая?» и «Солнце...» шлёшь «Сука!», «Ох. ла?», «Ты где, б....?». Это не только в тебе дело, это и пиво ещё такое. Отличный антидепрессант – пиво после водки. А утром не хочется просыпаться. Бывает.

Осенью как-то уже проще. Гуляешь, высматриваешь ту самую. Девочек меняешь как перчатки. И пару раз в месяц вспоминаешь её. Грязь, слякоть? Насрать, ты заново родился, вылечился, живёшь полной жизнью и, наконец, встречаешь её. Не ту, а новую ЕЁ. Ищешь подходы, выстраиваешь правильную осаду или берёшь с налёту... Да неважно. Главное – добиваешься своего. Она твоя.

И снова зима. Снег, Новый год. А ты бежишь по улице, мокрый снег липнет на ресницах и лезет в глаза. Смаргиваешь, снег тает, капли текут по скулам и щекам. А на роже улыбка радостная. И понимание, что вот оно – счастье...

2007

Всё будет...

– Андрюх, пойдём с нами? – предлагает Макс. – Посидим часок-другой, выпьем пива, футбол посмотрим.

– Да, Андрюш, – присоединяется Маринка, – пойдём! Идёшь? Да? Нет? Не знаешь?

Маринка берёт меня за руку, смотрит в глаза, улыбается. Да, Мариш, я тоже тебя хочу. А-а-а, как же хочется. Хочется посидеть с друзьями-коллегами, выпить пива, почувствовать, как тепло разливается по нутру, как становится проще и легче жить... А ещё больше хочется нормального общения.

– Ну пожа-а-алуйста! – тянет Маринка. – Всего на часок...

Я думаю. Сложно думать, когда тонешь в Маринкиных глазах. В это время Валерка Громов громко (как и полагается с его-то фамилией) со всеми прощается:

– Успешно нажраться! А меня ждёт «Каражан»!

Это он в подземелье собрался в сетевой игре. «Каражан» называется.

– Эй! Стоять! – возмущается Макс. – Какой ещё «Каражан»?

– Э-э-э, «дарагой», «какой-такой каражан-маражан»? – поддерживает Ирка. – Мы ни о «какой-такой каражан-маражан» не договаривались!

– Мы же вместе собирались! Гром! Ты идёшь с нами!

– Э-э-э... – пытается сопротивляться Валерка. – Я там ре-

бят из гильдии обещал сводить в данж...

– Каких ребят? Какой гильдии? Мы – твоя гильдия, понял? Так идёшь?

– Э-э-э... Нет.

– А сейчас? – не теряет надежды Макс.

– Блин! Иду!

– Андрюха?

– Нет, – решаю я. – Мне. Надо. Домой. Танюшка ждёт.

При этих словах все обречённо вздыхают, а Маринка закатывает глаза. Таня, моя жена, на седьмом месяце. Я ей нужен больше, чем им. То есть это они так думают, что больше. Так что, прости, Мариш: может быть, как-нибудь в другой раз мы обязательно... В другом измерении и в другой галактике, где не будет в моей жизни Тани.

– Ладно, Андрюх, как знаешь. Танюхе привет!

Дружной гомонящей толпой, подкалывая друг друга, сваливают по Невскому в сторону Рубинштейна. Слышно, как Макс, стиснув шею Валерки, втолковывает ему: «Это ты в „вовике“ семидесятник и гильдмастер! А тут ты салага! Понял?». Валерка не теряется: «Хрен тебе, Максим Георгиевич, а не эпические доспехи!». Все на работе давно подсели на WoW. И я бы подсел, да свой компьютер дома – пока лишь мечта.

Я затягиваюсь, кидаю окурок в урну ивливаюсь в поток в метро. От Маяковки до Купчино, а там на трамвае. Нормальный привычный маршрут: работа – дом.



Дождь не прекращается. А это значит, что надо быстро добежать до трамвайной остановки. Остаться сухим всё равно не удастся, но хоть промокнуть не сильно. Чёрт, как же холодно. Курточка, рассчитанная на раннюю осень, настолько неактуальна, как и мои белые летние кроссовки. Поздний октябрь ко всему прочему принес ещё и холод. Мокрыми пальцами я достаю сигарету, закурываю.

– Молодой человек, подайте на хлебешек...

Выгребаю мелочь:

– Держи, бабушка.

Кажется, что жизнь поделилась на три части. В первой части я был кем угодно: сыном, школьником, студентом – но только не мужем и будущим отцом. Самые большие проблемы – двойка за поведение в дневнике и грядущая сессия. В чём-то та, первая часть моей жизни, даже однообразна, но весёлая и с перспективами.

Вторая часть жизни – очень яркая, многообещающая и короткая. На последнем курсе я влюбился. К счастью, взаимно. Таня Каверина – самая красивая девушка потока – выбрала меня!..

Дохожу до остановки. Тусуется молодежь, мои ровесники... В бары, в кино. Кино... На остановке, кроме меня, две немолодые женщины, благообразный старичок в шляпе

и молодая пара с ребёнком. Все с зонтами.

...Началось-то всё просто: вечеринка в общежитии, обязательные медленные танцы в конце вечера. Захмелевший я – смелый. Потоптавшись для уверенности, пригласил Каверину, и она не отказалась! Во время танца мы разговорились и стали танцевать ещё. А потом... А потом ничего такого не было. Разошлись по своим комнатам. Прошло несколько дней, пока я решился пригласить её в кино. А дальше всё, как у всех: свидания, поцелуи, и все мысли только о ней.

А потом Танька залетела. Ребёнка решили оставить. Я нашёл работу, и бытовые проблемы: расписаться, снять квартиру, работать – казались вовсе не проблемами, а так, временными трудностями на пути к большому счастью. Счастье – быть с Таней, часами смотреть в её озорные зелёные глаза, просыпаться рядом.

От недосыпа с синяками под глазами мы нагими бродили по только что снятой квартире. Обнявшись и завернувшись в одну простыню на двоих, стояли у открытого настежь окна и курили. Весь город был у наших ног, а может, просто так казалось, с десятого-то этажа. Потом Танька вертелась у плиты, сооружая подобие яичницы с помидорами, а я не мог отвести от неё глаз. По телевизору что-то радостно вещал видеоканал MTV. Тогда мне это казалось милым: есть яичницу с грибами каждый день, на завтрак, обед и ужин. А любимый Танькой музыкальный канал был включён круглосуточно. Странно, но попсовые песенки той весны въелись в душу

и уже ни с чем, кроме как со счастьем, сексом и Таней, не ассоциировались.

И наступила третья часть жизни – моё настоящее. Всё на мне. Сколько бы ни работал и как бы ни страдал от недосыпа, денег всё равно не хватает. И жалко себя. Причем самое фиговое – понимание того, что тебя больше не любят, а терпят. А терпят, потому что нужен.

И ещё хуже: ты-то всё ещё любишь. Правда, уже не знаешь, за что. И даже больше ненавидишь, чем любишь. Но от мысли, что она может быть с другим, внутри всё скручивается и хочется выть. Но как вернуть былые чувства? Неизвестно.

Совсем хреново, что не живу для себя. И этому не видно конца.

* * *

Лифт не работает. Твою мать! На десятый этаж приходится подниматься пешком. Злюсь и бегу, прыгая через ступеньки. Пакет с продуктами цепляется о поручень, рвется ручка, и вниз по лестнице нехотя катится коробка с замороженными пельменями.

Злость требует выхода – я пинаю эту долбанную коробку. Коробка ударяется о стену и лопается. Пельмени с весёлым стуком рассыпаются по площадке. Этажом ниже в какой-то квартире, захлёбываясь, начинает лаять собака. Да пошла

ты, тварь! Матерясь, собираю пельмени. И, уже не торопясь, бреду наверх.

Дверь открывает тёща. Ёпрст! Вот чего я не понимаю, так это почти ежедневного присутствия у себя дома тёщи. «Мама будет сидеть с малышкой, а я буду работать», – объяснила мне когда-то Таня. До малышки ещё два месяца. Но тёща уже здесь.

Подходит Таня, равнодушно чмокает в щёку, растягивая губы в улыбке:

– Устал?

Да ей же всё равно, зачем спрашивать?! Зачем изображать радость оттого, что я пришёл?

– Продукты возьми, – протягиваю пакет.

Таня заглядывает в пакет и несёт его на кухню. Да что заглядывать, ничего нового там не обнаружишь, Таня-Танечка-Танюша. Всё, как всегда: хлеб, пельмени, молоко, фрукты. Фрукты посоветовал врач. Ибо «ребёнку нужны витамины». Не вопрос. Правда, я уже подзабыл вкус пива и перешёл на более дешёвые сигареты.

– Кушать хочешь, Андрей?

Нет, блин, не хочу! Чего бы это я кушать хотел? Весь день только и делал, что жрал, а не работал. А ещё это «Андрей». Тьфу! «Милый», «любимый» отменены, как пережиток прошлого. Теперь я нейтрально-официальный «Андрей».

– Танечка, да что ты спрашиваешь, накрывай на стол! –

суетится тёща. – Андрюша, вы пока мойте руки. У нас сегодня борщ! И отбивная!

Ох уж это приторно-фальшивая тёщина забота. Лучше бы она просто молчала. Борщ с отбивной – это понятно. Тёща их любит. И под видом заботы о зяте на мои же продукты готовит себе борщ и отбивную. Пока я мою руки, на кухне о чём-то шепчутся Таня с тёщей. Да ясно, о чём. Им и без меня неплохо было. В самом деле, надо было с ребятами посидеть.

– Как дела на работе? – лицемерно спрашивает тёща.

Ещё и цепляется. Ясно, хочет меня выставить в хреновом свете. А-ля твои ровесники на «Кайенах» рассекают да по ресторанам водят. А Танька еще так участливо смотрит, типа ей тоже безумно интересно, как там на работе. Ну да, с паршивой овцы хоть зарплату клок.

– Нормально всё, – отвечаю. – Пока не увольняют.

Тёща не улавливает иронии и крестится:

– И слава Богу!

Я ем, склоняясь к тарелке, и физически ощущаю на себе их равнодушно-презрительные взгляды.

– Как борщ? Вкусно? – спрашивает жена.

Всё ясно. Я, бездушный подонок, не оценил усилия тёщи по готовке еды, и теперь меня в завуалированной форме просят похвалить «маму».

– Спасибо, всё было очень вкусно! Только борщ пересолен, а отбивная жестковата.

Вот так вам! Сидят молча, переглядываются. Понятно: хо-

тят, чтобы я поскорее доел и освободил кухню, им же дальше надо пошущукаться. Чёрт с вами, шушукайтесь. Отодвигаю тарелку, залпом выпиваю чай и встаю из-за стола. Бросаю: «Мне ещё надо поработать». И ухожу в комнату.

Ложусь на диван и думаю, что хорошо бы поспать. Но спать нельзя. Я набрал заказов на курсовые, так что надо работать. Встаю и сажусь за стол. Компьютера нет, всё ручками, по старинке. Потом отдам – наберут и распечатают. Глаза слипаются, но усилием воли вывожу заголовок: «Инженерно-технические службы в гостиничных комплексах». Шесть страниц курсовика... Но понимаю, что уже сплю.

Сквозь сон слышу, как звонит Танькин мобильный. «Слушаю вас, Давид!». Твою мать, что еще за Давид? Прислушиваюсь, но слышно плохо: тёща моет посуду. Всё, что удастся разобрать: «До завтра, Давид!». Давид... «Каражан-маражан», твою мать!

Инженерно-технические... службы... в гостиничных комплексах...

Я перетаскиваю тело на диван и снова засыпаю.

* * *

В шесть тридцать разрывается будильник-мобильник. Вскрываю, на автомате включаю чайник, бреду в ванную, умываюсь, чищу зубы, одеваюсь, выпиваю чашку растворимого кофе вприкуску с сигаретой и выбегаю из дома. В мет-

ро понимаю, что забыл зонт. И что я всё ещё в постели, а времени уже семь! Опаздываю!

В ускоренном темпе проделываю то же самое, лишь сигарету закуриваю только на улице. Льёт дождь. Вспоминаю, что я забыл зонтик уже наяву, и бегом поднимаюсь на свой этаж. Пытаюсь отдышаться. В этот момент сквозь тонкую деревянную дверь различаю голоса жены и тёщи. Прислушиваюсь.

– ...Да, Давид сегодня заедет.

От этих слов моментально бросает в пот. А там, за дверью, Таня внезапно начинает рыдать:

– Он меня разлюбил!

Я испытываю лёгкое чувство радости, по поводу того, что этот неведомый подлец Давид разлюбил Таньку. Так ей, поделом! Радость слегка омрачается треском прорезающихся сквозь череп рогов.

– Ну, перестань... Перестань, Танюш. Он тебя любит! – утешает Таньку тёща.

Ни фиги! Я злюсь на тёщу, потому что Давид – мужик. Сказал – сделал. Раз Танька говорит, что разлюбил, значит – разлюбил.

– Я старалась, готовила, полдня на кухне проторчала, а ему не понра-а-авилось, – продолжает реветь Танька.

Ага, теперь ясно, кому борщ с отбивной готовился. Обычно мы едим пельмени. Порадовало только то, что Давиду борщ тоже не понравился.

– А я тебе говорила: дождись меня, научу, как правильно, помогу! А ты: я сама! – заметила тёща.

– Совсем меня не замечает, хмурый вечно, отвечает односложно, слова лишнего не вытянешь, – продолжает жаловаться на любовника жена.

– Так устаёт он на работе! – вступается за Давида тёща. – Он же вас обоих, а с малышкой и троих, тянет. Курсовые пишет по вечерам вместо того, чтобы с друзьями гулять.

Я удивляюсь нашей с Давидом схожести.

– Да, я знаю, мам, знаю. Только как мне объяснить ему, что всё это временно, что мы обязательно прорвёмся, что всё будет хорошо?! Мам, я его очень сильно люблю, я потерять его боюсь!

– Не переживай, Танюш. Вот дошьём костюм, сдадим последний заказ Давиду Арамовичу, да такой подарок твоему Андрюшке сделаем, что он тебе всё простит, и борщ недосолённый в том числе!

– Да, мам, я знаю. Он давно о компьютере мечтает, я же вижу.

Тут я понимаю, что я – олух. Речь идёт обо мне! Таня всё ещё меня любит! Борщ готовила не тёща для себя, а Танька! Для меня! Вспоминаю, что это у меня через неделю день рождения. И что Давид – это тёщин сосед по площадке Давид Арамович! И что тёща с женой днями-ночами шьют всякие вещи на заказ, в том числе костюм для Арамовича, этого старого хрыча, чтобы подарить мне компьютер! А ещё я

понимаю, что мы прорвёмся! И всё будет... всё будет... всё будет офигенно!

Я спускаюсь вниз, выхожу на дождливую улицу и улыбаюсь небу.

Ведь всё будет...

2007

Всё относительно

Счастье – это когда всё в порядке. Марик это знал точно. Месяц назад ему казалось, что всё катится к чертям. Мать тяжело заболела и попала в больницу, маленькая сестренка на физкультуре вывихнула ногу и лежала дома. Всё легло на плечи Марика. Лекарства и передачи маме, домашнее хозяйство, сессия в институте. И, как апофеоз, разболевшиеся зубы, которые лечить было не на что.

Всё, что Марик зарабатывал на написании рефератов и ночным сторожем в компьютерной фирме, уходило на лекарства для матери. Отца своего Марик не помнил. В детстве думал, что тот погиб в Афгане, а в юности выяснил, что отец просто ушёл к другой женщине. Тяжёлая была пора для Марика: впору вешаться или, стиснув зубы, пробиваться.

Пробился. Мать поправилась, а сестрёнка выздоровела. С зубами ему помог друг Генка, начавший первую в своей жизни практику дантиста в частной поликлинике. С сессией же у Марика проблем вообще никогда не было: учёба ему давалась легко.

Сейчас Марик счастлив. Нет, он не выиграл в лотерею больших денег. Просто у него всё в порядке. Идут каникулы, впереди два дня на турбазе. В зубах дымится сигарета, в лицо бьёт морозный ветер, рядом сидят лучшие друзья и любимая девушка.

Гарик за рулём что-то весело напевает, справа от него на переднем сидении сидит Янка, которая, не сдержавшись, открывает пиво и пьёт прямо из банки.

Гарик что-то недовольно выговаривает: ему тоже хочется пива, но он за рулём. А Янка совсем не солидарна с ним. В правой руке – пиво, в левой – сигарета. Янка весело хохочет, обнажая крупные, белые, идеально ровные зубы.

За окном проносятся белоствольные берёзки, заваленные снегом, пушистые сосны и ели. Трасса пуста, и Гарик в скорости ставит рекорд за рекордом.

Марик щелчком отправляет сигарету «за борт», закрывает окно и обнимает Светку, сидящую рядом. Светка прижимается к Марику и жмурит глаза: в окно ударяет луч заходящего солнца, негреющий, но яркий.

Справа от Светки, нахохлившись, как воробей в студеную пору, сидит Данила. Девушки у него пока нет, и он уже смирился со своей ролью отверженного и непонятого. Но Марик, Гарик и Даня выросли в одном дворе и знают друг друга лет пятнадцать.

Ботаник Данька, сын академика Гарик и не хватающий с неба звёзд Марик дружили с тех времён, когда Данька не носил очки, отец Гарика был лишь доцентом, а Марик мечтал стать космонавтом.

Самые близкие друзья. С любимыми девушками. На два дня. Лыжи и санки, сауна и пиво, карты и секс. Счастье.

Темнеет быстро. Вокруг – крошечная тьма, лишь надвигающаяся трасса лихо проносится под светом фар.

Янка со Светкой спят. Данька дремлет. Марику не спится, хочется поскорее приехать в пункт назначения. Гарик уже не поёт: видно, что ему тоже хочется как можно быстрее приехать на турбазу, попариться в сауне, выпить тёплого вина и уснуть, обняв Яну. Осталось немного, километров пятьдесят. Двести уже осилили.

Мимо с рёвом и грохотом проносится грузовик. Светка вздрагивает, а Гарик резко выруливает правее, на обочину, чтобы, не дай Бог, не зацепило ненароком вильнувшей фуры.

Встряску ощутили все: в днище ударила кочка. Гарик матюгнулся.

А минут через десять в салоне появился запах гари, машина закашлялась. Гарик остановился и заглушил мотор. В тишине раздался томный голос Яны:

– Уже приехали?

– Приехали, – зло отвечает Гарик и выходит из машины.

Марик с Даней тоже выходят. Зябко ёжась, подходят к Марику. Из-под капота валит дым.

– Что там? – обеспокоенно интересуется Даня.

– Шут его знает, – сплёвывает Гарик. – Я не особо раз-

бираюсь в этом. Может, маслобак пробили? Толкнуть назад надо. Перчатки наденьте.

Напряглись и сдвинули машину на метр назад. На грязном снегу отчётливо чернеет натёкшая масляная лужа, от которой в сторону машины тянется тонкая чёрная масляная ниточка.

– Ну, это финиш! – возмущается Гарик. – Только на днях масло поменял!

Девчонки весело выскакивают из машины:

– Мальчики, поехали скорее!

– Поехали... – передразнивает их Гарик. – Всё, приехали уже, тачка сломалась.

– Сядьте в машину, – советует Марик. – Замёрзнете.

– Там невозможно сидеть! – восклицает Янка. – Там дышать нечем!

– Тогда двери откройте, пусть пока проветривается, – говорит Гарик.

Света, открыв все двери, подходит и прижимается к Марику. Дышит сквозь шарф: пар изо рта вырывается на волю, постепенно промокая шерсть.

– Починить своими силами реально? – спрашивает у Гарика Даня.

– Не знаю, – тускло отвечает Гарик. – Сейчас бате позволю, узнаю. Если сеть доступна.

Гарик вытаскивает мобильник, всматривается во вспыхнувший синим экран и со злостью суёт его обратно в карман.

– Не пашет. Сеть не доступна! Попробуйте со своих.
Безрезультатно. Сети ни у кого нет.

– Я замёрзла, – хныкает Янка.

– Лезь в машину! – рявкает Гарик. – Грейся там! И вообще, что тут стоять, все лезем в салон.

В салоне после проветривания ничуть не теплее, чем на воздухе. Наоборот, холодные сиденья заставляют ребят дрожать ещё сильнее.

– Включи печку, – просит Даня.

– Не учи учёного, – огрызается Гарик и заводит машину.

Включённая на всю мощность печка громко гудит, но салон снова начинает заполняться запахом горелого масла. Гарик глушит мотор.

– Надо ловить машину. Другого выхода нет. Кто пойдёт?

Вызывается Светка. Марик выходит вслед за ней. Остальные остаются мёрзнуть в машине. В крошечной темноте валит снег. Звёзд не видно.

Марик закуривает сигарету. Даже в перчатках руки страшно мёрзнут, одной обнимает Свету, в другой – окуроч. Дым, втягиваемый вместе с морозным воздухом, бодрит. Но трасса всё так же пустынна.

* * *

За час мимо не проехало ни одной машины. После Марика со Светкой голосовать выходили Гарик, Яна и Данька, но

ни к кому из них фортуна лицом не повернулась.

– Есть что пожрать? – спрашивает Гарик.

– В багажнике, – трясаясь от холода, отвечает Даня. – Бутерброды и пиво.

– А чай или кофе горячий в термосе есть?

– Нет. Кто же знал, – оправдывается Марик.

Перспектива есть замерзшие бутерброды, запивая ледяным пивом, сначала никого не прельщает. Но Гарик не выдерживает и выходит из машины за бутербродами. Вконец замёрзшие, вслед за ним на морозный воздух выскакивают остальные. Холодно. Даня, смешно скрючившись, пытается бегать туда-сюда, но бежит настолько неактивно, что это его не согревает.

Ребята стоят кругом, запихивают в себя мёрзлые бутерброды, ледышки хрустят под зубами.

Гарик греет в руках пиво, потом протягивает банку Янке: – Запей.

– Не хочу, – сквозь зубы отвечает Янка. – Холодно.

– Как хочешь, – отвечает Гарик и пытается отпить сам.

Губы моментально примерзают к банке.

– Примёрзли? – спрашивает Даня.

Гарик, не отпуская руки от банки, кивает. Даня участливо матерится, вытаскивает зажигалку и щёлкает ею под банкой. Щёлк-щёлк-щёлк. Бесполезно.

– Спички есть у кого-нибудь? – спрашивает Марик.

Все отрицательно вертят головами, включая примерзшего

к банке Гарика.

– Попробуй в руках согреть жигу, – говорит Марик Даньке.

Данька суетливо кивает, снимает перчатки и сжимает зажигалку в обеих руках, зачем-то еще и дуя в кулак.

– Костёр надо развести! – восклицает осененный идеей Даня.

– Точно! – радуются девчонки. – Костёр!

Даня остается около Гарика греть зажигалку. Марик с девчатами идут в лес за дровами. Гарик кивает Дане, глазами показывая на зажигалку: «Ну как?». Даня пробует, но лишь сухие щелчки служат ответом Гарику.

Гарик не выдерживает, жмурится и резко рвёт банку от себя. Кровь застывает, не долетая до земли. Гарик громко кричит от боли. Ненавистная банка пива летит в овраг.

Девчонки с Мариком, по колено утопая в сугробах, ходят по краю леса, опасаясь идти дальше. Ничего подходящего для разведения костра нет. Девчонки убегают греться в машину, Марик остаётся, чтобы продолжить поиски. Под конец он проваливается в сугроб по пояс и кое-как выбравшись, возвращается к своим. Все уже в салоне.

Гарик ноет, раскачивается вперед-назад и держит окровавленные губы руками. Янка успокаивает его, но сама на грани срыва. Светка крепится, но видно, что тоже на грани. Ботинки Марика, забитые снегом, постепенно промокают оттаявшим снегом. Марику неуютно и холодно.

Темно.

Вдруг мимо проносится машина. Все вскакивают, но уже поздно. Пролетевшая легковушка исчезает вдали. Зато у ребят просыпается надежда. Воодушевлённый Данька выскакивает из машины – голосовать. Все возбуждённо ругают друг друга, что прекратили голосовку, но потом, взбодрённые тем, что не одни на трассе, оживлённо беседуют.

– Приедем на базу, согреемся, чаю горячего выпьем – и в сауну! Ну, Гарик, держись, я тебя так отхлестаю! – мечтательно говорит Марк.

Гарик что-то одобрительно мычит. Постепенно разговоры стихают. Вдруг где-то сзади слышится слабый звук приближающейся машины.

– Сейчас Данька её тормознет, и мы прицепом доедем до турбазы! – радуется Янка.

– Какая турбаза, – мычит Гарик, – в город надо.

– Гарик, давай до турбазы! – убеждённо просит Марик. – Оттуда позвоним в город, и кто-нибудь за нами приедет.

Марику очень хочется на турбазу.

Позади машины раздается приглушённый хлопок, и фура проносится мимо.

Разъярённый Марик выбегает из машины:

– Даня, мудака, как же ты остановить не смог?!

Обескуражено оглядывается. Даньки нигде нет.

Даньку находят в овраге. Видимо, желая стопроцентно остановить фуру, он выбежал на трассу. По грудь утопая в сугробах, тащут его тело до машины. Янка, только взглянув на Даню, не выдерживает, её тошнит. Иступлено заорав, убегает вперёд метров на двести. Гарик, мыча проклятия, бежит за ней.

Марик, сдерживая слёзы, перебарывая комок в горле, успокаивает Свету. Та уже открыто ревёт, слёзы застывают на её щеках, а Марик отрешённо думает, что это – конец.

Гарик приводит вырывающуюся Янку и, с трудом размыкая губы, говорит:

– Надо идти к турбазе и по пути голосовать. Другого выхода нет.

Никто не возражает. Гарик удовлетворённо кивает и идёт вперёд. Марик вытаскивает из багажника рюкзак с продуктами, обнимает Светку и направляется вслед за другом.

В носу у Марика щиплет. Обледеневшие сопли изнутри колют ноздри. Света идёт, еле волооча ноги, смотрит только в землю.

Через пару километров она обессилено падает на трассу. Марик к тому времени уже державший замёрзшие, нечувствительные руки в карманах, скидывает бесполезный рюкзак и садится рядом:

– Света, надо идти.

– Я не могу.

К ним ковыляет Гарик:

– Что у вас?

– Она устала и хочет отдохнуть, – стараясь широко не открывать рот, говорит Марик.

– Ясно... Я слышал, в снегу теплее, чем так, на открытой земле. Предлагаю одному остаться ловить машину, а остальным зарыться в сугробе оврага.

У Марика нет сил ответить что-либо. Он кивает и показывает рукой в сторону, мол, идите, грейтесь, я поголосую. Света встаёт и, шатаясь, идёт вслед за Гариком.

Марик вытаскивает сигарету, щёлкает зажигалкой и разочарованно выплёвывает сигарету на землю.

«Счастье... Счастье – понятие относительное», – думает Марик. Он с радостью вернул бы все свои проблемы месячной давности, лишь бы Даня был жив, лишь бы им всем оказаться дома – в тепле.

Сессия – проблема? Отсутствие больших денег – проблема? Заболевшие зубы – проблема?

Марик ухмыляется. Жить – вот это счастье. Жить... Холодно...

Марик трёт замерзшие щеки и, плюнув, спускается в овраг. Ложится рядом со Светкой, обнимает её. Хорошо. Долгожданное тепло обволакивает тело. Глаза слипаются. Спать...

Марик проваливается в дрёму.

Где-то вдали по трассе сверкают фары.

Глобальные перемены

Жарким утром августа сего года Степан проснулся с чувством, что в жизни надо что-то менять. Высунув из подголовья мокрую от пота подушку, перевернулся на другой бок и попробовал уснуть. Сон не возвращался.

Напротив, Степану вдруг захотелось встать, сделать зарядку и принять душ. Он выторговывал у самого себя право поваляться ещё полчаса в обмен на утреннюю пробежку. Однако лежать на мокрой и смятой простыне оказалось неудобно, даже неприятно. В итоге вместо положенного полчаса Степан пролежал только восемь минут. Зато и пробежка заменилась на три приседания.

Приседания Степан сделал крайне нехотя. В коленках при этом что-то хрустнуло. «Буду чаще приседать», – успокоил себя Степан и направился в ванную комнату. По пути успел нажать на кнопки питания чайника и системного блока, чем, соответственно, включил чайник и компьютер. Чайник отреагировал лишь красным индикатором, компьютер ответил двумя: красным и зелёным. Зелёный подмигнул Степану, радуясь возвращению к жизни.

Наскоро почистив зубы и умывшись, Степан поглядел в зеркало. «Красавчик!», – подмигнул отражению. Вспомнил было, что хотел принять душ, но сразу же забыл. Вернулся в комнату, где уже закипал чайник.

Щедрой рукой высыпал в чашку кофе, сахар и залил кипятком. Кофе поднял не только настроение, но и кое-что ещё. И тогда Степан вспомнил о своём желании что-нибудь поменять в своей жизни.

«Да! Именно сегодня! — возликовал он. — Именно сегодня я коренным образом изменю что-то в своей жизни!».

Онанировал Степан с этого утра левой рукой.

Глупость человеческая

– Ну, всё, как полагается: поляну накрыл, попрощался, сказал, что никого никогда не забудет и скрылся в неизвестном направлении.

– Так просто? А чем мотивировал?

– Переездом в другой город.

– Обалдеть! Работа же у него была, как говорится, «не бей лежачего», квартира, авто, бабы, все дела... И куда он переехал?

– В какой-то Мухосранск.

– А что там? Родина его, что ли? Предки?

– Родина его – город-герой Москва.

* * *

Самым сложным было изобразить восторженный голос:

– Мама! Можешь меня поздравить! Я – студентка!

Конечно, мама не сдержалась и заревела от счастья прямо в трубку:

– Доченька, умница ты моя, надежда и опора...

Конечно. Всегда была отличницей, любимицей преподавателей, и путь её, казалось, будет светлым. Все знали, что Настя будет учиться в Москве. А где же ещё? Мать взяла

кредит в банке, «чтобы было, на что Настеньке до Москвы добраться, и на первое время, на учебники те же...» Сбережений в семье никогда не было. Отец лет восемь лет назад утонул, с тех пор мать тянула и Настю, и полоумного Костю.

— ...Учись хорошо, лекции не пропускай, допоздна не гуляй... — мама всё говорила и говорила.

Настя поддакивала и с трудом сдерживала ком в горле. В институт она не поступила: не хватило пары баллов. Хорошо хотя бы, что за квартиру заплатила за два месяца вперед: как раз время найти работу.

— ... А там, глядишь, и нас с Костей к себе заберёшь... — понадеялась мама.

Прошло полтора месяца. Настя устроилась официанткой в забегаловке. Проснуться в пять утра, привести себя в порядок, сорок минут на электричке, ещё час в метро и на автобусе. И к девяти надо быть на работе. Двенадцать часов на ногах. Не дай Бог, что-то разбить или обидеть клиента. Ноги опухли, на них проступила венозная сетка.

После вычета штрафов из зарплаты осталось сто девяносто пять рублей. Меньше, чем ушло на проезд. И осень уже. И хозяин квартиры «тактично» намекнул на приближающийся срок квартплаты: «Настя, ты учти, день просрочки — вылетишь сразу же...» Колготки порвал, гад.

Тишина и неяркий свет. Тишина сменила привычный перестук колес поезда. Фонарь на перроне осветил половину купе. Мирон проснулся и взглянул на часы: четверть четвёртого.

На верхней полке обеспокоено завозился попутчик. Мирон выглянул в окно и чертыхнулся: это была его станция.

В дверь постучали:

– Ясный, стоянка – три минуты.

Мирон накинул куртку, взял собранную с вечера сумку, мысленно попрощался с соседями по купе и направился к выходу. В тамбуре кивнул зевающему проводнику:

– Счастливо.

– Счастливо.

Всегда так. Какой фразой прощаешься, той и ответят. То ли лентяя, то ли... Чёрт их знает.

Ясный встретил его прохладным ветром. Мирон поёжил-ся и закурил.

– Такси надо? – спросил невысокий плотный кавказец.

– Надо. В гостиницу. Ближайшую.

– А у нас всего одна, – усмехнулся таксист. – Поехали.

В салоне «Волги» тепло и уютно. Фонари не горели, так что единственным освещением в городке были мелькавшие окна маленьких одноэтажных домиков.

Через пять минут они подъехали к трёхэтажному зданию. Небольшая потёртая вывеска гласила: «Центральная гостиница № 1». Оказалась она на перекрёстке улиц им. Маресьева и Чехова. Чуть ниже по Чехова виднелись огни таверны «Очаг». Судя по припаркованным машинам, «Очаг» ещё работал.

Мирон расплатился, вытащил сумку и подошёл к дверям гостиницы. Закрыто. Мирон постучался. «Жрать и спать», — мелькнуло в голове.

Дверь открыл охранник с сонным, опухшим лицом и слипшимися глазами:

– Чего?

– Мне нужен номер.

– На час – двести, до восьми утра – пятьсот, – оживился охранник. – Деньги вперёд.

– А на сутки? – спросил Мирон.

– А... – протянул охранник. – Ты один, что ли? Приезжий?

– Типа того. Войти можно? Холодно.

Разочарованный охранник впустил его внутрь, выглянул на улицу, огляделся и запер дверь.

Сняв одноместный номер и получив ключи, Мирон поднялся на второй этаж. Покрытые протёртой дорожкой деревянные полы кряхтели под ногами, скрипы кроватей и женские стоны, доносившиеся сквозь фанерные стены, сопровождали его всю дорогу до номера. Запахи пота и несвеже-

го белья были повсюду. Из какого-то номера слышалась гор-
танная ругань горцев, прерывавшаяся женским смехом.

«Отличная гостиница, – подумал Мирон. – „Центральный
бордель № 1“».

* * *

Новое место работы найти оказалось проще простого.
«Блины» возле вокзала, десять минут ходьбы от дома. «Нэт
прапыски? Аставышь паспорт в залог, – коверкая слова, об-
радовал Джавад, то ли хозяин, то ли управляющий ларька. –
Прайдош мэдасмотр и выходы на работы».

Доходы не увеличились, зато уменьшились расходы. По-
явилось свободное время. Ленка – сменщица – познакомилась
со своими однокурсниками.

Вместе гуляли, пили пиво, промывали все косточки пре-
подов. Некоторые начали ухаживать за Настей. Особенно
старался Мирон: вихрастый, тощий, офигенно талантливый.
Дарил цветы, потом стрелял сигареты.

Настя на его ухаживания поначалу не отвечала, уж больно
какой-то мальчик неприметный. Но мальчик был настойчив,
и она ответила. Так Мирон потерял девственность.

А через год они поженились.

Сквозь занавески видны невзрачные пятиэтажки, на перекрёстке мигают светофоры. Пустынно. Мирон с трудом открыл неподдающуюся форточку, в комнату ворвался влажный ветер. Мирон поёжился.

Распаковав сумку, вытащил остатки съестного на стол: колбасу, сыр, хлеб, упаковку яблочного сока. Сделал бутерброды, налил сок в кружку. Нормально. Всё путём. Перекусить, лечь спать: утром рано вставать, соскучился сильно.

А завтра на первое время, пока не уладится, лучше найти квартиру: и дешевле, и спокойнее. Трескуче зазвонил телефон. Подняв трубку, Мирон услышал женский голос:

– Желаете приятно провести время?

– Нет, спасибо.

Раздались гудки. Мирон сел за стол. Бутерброды чуть подсохли, но он не обращал на это внимания. Откусывал, пережёвывал, запивал соком. Раскрыл газету.

В дверь постучали. Кто там ещё? Мирон отворил дверь. За порогом, опираясь рукой о косяк, чуть пошатываясь, стояла и улыбалась женщина в короткой юбке, кофточке и с запахом перегара.

Икнув, она сказала:

– Я – Валя. Скучаешь?

– Нет, веселюсь. Я ложусь спать, Валя, так что извини.

– Ты же командировочный, да? – Валя сделала шаг вперёд. – Может,пустишь даму?

– Э-э-э...

– Спасибо.

Валя зашла, прикрыв за собой дверь.

– Откуда приехал?

– Из Москвы. Это вы звонили?

– Может, и я. А что?

– Я же сказал: нет. Не нуждаюсь в ваших услугах.

– Без услуг пообщаемся. Такой мужчина интересный.

Мирон сдался. Общались всю ночь. Всё, как есть, ей рассказал: психолог тот ещё оказалась девка, да и понятливая.

* * *

Не успев поступить в институт, Настя вынужденно взяла академ – залетела. Первый курс доучилась – и всё. К тому времени Мирон уже заканчивал институт и проходил преддипломную практику. Ни о каком аборте Настя и не думала: только рожать!

Может, это было и неумно. Напряги с бюджетом: работала только Настя. Мирона надо было красиво одевать, обстирывать, кормить, набирать его отчёты, глотать его сперму и выделять ему деньги на пиво и сигареты («Парламент», не иначе). «Ты же понимаешь, мне надо держать марку», – объяснял он. Настя стала работать в две смены.

Её мать продала дом и выслала часть денег дочке. Так у Мирона появился первый мобильный.

Жили они в той же Настиной съёмной квартире. Родители Мирона им не помогали, да и ничем помочь не могли, сами перебивались от зарплаты к зарплате. Свекровь, Людмила Петровна, сразу невзлюбила невестку. Какая-то приезжая, продавщица в ларьке, захомутала её мальчика, такого умного и перспективного. «Передком заманила», – жаловалась свекровь подружкам.

Никакой свадьбы, просто расписались. Мирон тогда на радостях хорошо выпил, вёл себя возбуждённо, даже как-то агрессивно. А потом уснул. Настя проводила гостей, убралась, вымыла посуду. Светало. Она села на кровать рядом с Мироном и, разглядывая его спящее умиротворённое лицо, представляла, как скоро всё будет замечательно.

Всё стало замечательно настолько, что в роддом Настя поехала одна, жутко стесняясь синяков на теле. «Муж в командировке», – отличная отмазка. «Золотое руно» – отличная командировка. Ресторан-казино, всё в одном. Шлюхи рядом, только свистни.

«Мирон после свадьбы» – это было совсем не то, что «Мирон в период ухаживаний – мой милый и скромный, моя опора и надежда». На работе Мирон (версия 2.0, «Послесвадебный релиз») продвигался настолько же быстро, насколько быстро менялся сам.

Успешно прошёл стажировку и был принят в штат. А же-

не: «На, получай, сука!». Сама виновата, нечего улыбаться всем подряд! Хорошо, что всего лишь пощёчина. Не переставая улыбаться, Настя думала: «Пусть все решат, что это шутка... Да, да, шутка. И ничего более. Но как же горит щека...» Сомнамбулой дошла до ресторанной уборной и лишь там разрыдалась.

Стал заместителем руководителя департамента. А с левой ещё не пробовали? Всё бывает в первый раз, крошка, лови! Походя, ногой. Ну, и кулаком в живот, он же так соблазнительно выпирает. Конечно, в тот момент Настя испугалась не за себя.

Удивительно, как Маришка родилась здоровой.

* * *

Утром, наскоро собравшись, Мирон вышел из гостиницы. Наверное, впервые за эту хмурую осень небо расчистилось, и ярко светило солнце.

Ночью, с трудом выпроводив назойливую проститутку Валу, Мирон долго ворочался: не мог уснуть. Он многое переосмыслил за последнее время.

«Ну и катись!», – подумал он, когда после очередного загула нашёл записку от Насти.

«Мирон, я уезжаю. Ничего мне от тебя не нужно, взяла лишь Маришкины и свои вещи. На алименты подавать не буду. Анастасия».

Собрал друзей, подруг: отметили по полной. Жизнь началась холостяцкая. Успевал всё: и работать, и гулять. Лишь иногда, раз в неделю, а то и того реже, возникала в душе щемящая тоска по жене с дочкой. Но Мирон успешно её гасил.

Потом всё достало. Бросил пить, порывался даже бросить курить, но не получалось. Спортзал, тренажёры, диета, карьера. В личном плане что-то не заладилось: крутились около одни шалавы, чего хотели – понятно, да не того хотелось самому. А чего? Чёрт его знает.

А месяц назад попался на глаза альбом с фотографиями: студенты на лавочке с пивом, они с Настей, Маришкин зуб первый... Совсем уж плохо стало, взвыл Мирон, понял всё: и кто он по жизни, и чего хочет на самом деле, да... Ничего не поздно!

С работы не отпускали – да и пошли вы! Уволился без сомнений. Секретарша «я вся ваша, Мирон Алексеевич» сходу стала «я не такая, идиот, знать тебя не знаю». Но на прощальную вечеринку пришли все приглашённые.

А потом собрался по-быстрому: дочке кукол дорогуших набрал, жене – бижутерии, шмоток, ещё чего-то там, в пылу не разбирал, брал всё. Тёще даже что-то в подарок взял. И на первый же поезд в Ясный. Куда они ещё могли поехать?

* * *

– Да, тупо вообще всё получилось. Москвич этот к Настю-

хе Григорьевой приехал, муж её бывший, оказывается. Сейчас пробиваем. Не знаю, что у них там в Москве было, но когда она его увидела, заорала как резаная, испугалась очень, решила, он дочку приехал забирать. С ней братеньник вместе был, Колька, идиот полоумный, решил, что москвич сестру убивает, вступился за неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.